

18+

Серов Георгий Алексеевич

Убийца Сталина и другие психоделические истории

Рассказы

Георгий Алексеевич Серов Убийца Сталина и другие истории Георгия Серова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51572285

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-99768-4

Аннотация

Сборник рассказов в мрачном стиле российского декадентствующего даркнуара от неизвестного широкой публике писателя Георгия Серова.

Содержание

Экстраполирование ужаса	4
Бубен смертерождения	13
Убийца Сталина	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Георгий Серов Убийца Сталина и другие истории Георгия Серова

Экстраполирование ужаса

В этот промозглый осенний вечер Коля решил пройтись подышать холодным освежающим воздухом. Выпито было немало, иначе б ему и не пришла в голову мысль гулять под мерзким ледяным аэрозолем, сыплющим с небес.

Идя вдоль четырёхполосной трассы, он, чувствуя, что не прикрытые плащом части джинсов промокли насквозь, уже собрался было разворачиваться к дому («ну максимум ещё метров сто-двести пройду и всё»), когда внезапно почувствовал лёгкий толчок сзади в область коленок и бёдер, а затем — пихание в затылок.

Он обернулся посмотреть на того хама, который так непозволительно ведёт себя в общественном месте, чтобы объяснить человеку, а, может, и втемяшить кулаками простую мысль о необходимости вести себя более подобающе в дальнейшем.

Однако ж, обернувшись, Николай не обнаружил за собой пешеходов. Лишь метрах в тридцати, мелькая аварийкой,

стояла почти поперёк тротуара иномарка с мятым передком и лобовым стеклом, полезшим паутиной от удара.

Из машины, покачиваясь, вылезала густо накрашенная девица. Подходить к девице и спрашивать, что случилось, совершенно не хотелось – Коле было предельно ясно, что случилось.

– Вот дрянь. Наверняка сшибла пешехода где-то и только сейчас поняла, что натворила, или испугалась просто и уехала подальше с места, где человека сбила. – Пришла мысль в голову. – Надо бы полисменам позвонить.

Коля начал лихорадочно искать мобильник в карманах плаща, но не найдя, подумал:

– Дьявол! Видимо дома, по пьяни, оставил.

В раздражении выругавшись на свою забывчивость, он направил свои стопы далее под серой стеной мёроси.

– Надо же, только что этой машины не было на тротуаре, вообще не было ничего. Или это я, задумавшись, её не заметил? О чём я думал-то? Вообще не помню. Дааа, надо меньше пить.

Такой поток сознания сопровождал неспешные Колины шаги, забывшего уже, что он совсем недавно собирался разворачиваться и идти домой.

Постепенно разбежались с неба низкие тяжёлые тучи. Изпод неровных их краёв на западе замелькало начинавшее краснеть вечернее солнце.

Внезапно Коля остановился, поняв, что не узнаёт мест-

ность, в которой очутился. Вдалеке он заметил стекающуюся с разных сторон толпу, образывавшую очередь. Поскольку очередь уходила направо от дорожки, по которой шёл Коля, он мог видеть хвост и середину очереди, однако начало её было скрыто от глаз.

Любопытство, разумеется, превыше доводов рассудка и герой нашего повествования, ускорив шаг, решил выяснить, что заставляет толпу двигаться в заданном направлении – может, концерт какой намечается ?

Приблизившись, он различил, как толпа вливается на широкий тротуар, все спешат, торопятся обогнать друг друга – вдруг на всех не хватит?

Чего не хватит, Коля не имел ни малейшего понятия, однако, повинуясь стадному инстинкту, врезался в толпу и, обогнав горделиво вышагивавшую даму в красном пальто и ковылявшую с завидной скоростью троицу бабулек в драных ватниках, устремился чуть ли не бегом в людскую гущу.

Вдали был различим грохот, шедший словно с гигантской строительной площадки. Слышно было, как где-то за пределами видимости с шумом опускается молот копра, грохают, падая, железяки, шипит, выталкивая воздух, пневмонасос.

Рядом с Колей бежали счастливые мамы с колясками. Как ни странно, встречались и прогулочные коляски, лихо ехавшие по дорожке сами по себе.

Мимо, спеша и расталкивая прохожих, зарабатывая в свой адрес комплименты навроде: «придурки малолетние»,

пронеслась ватага воспитанников хоккейной школы с клюшками в руках и неизменными безразмерными баулами с болтающимися на ремешках шлемами.

Один из пацанят, пробегая мимо, спросил у одноклассника:

– Вадь, а чё эт было? Я помню, нам навстречу КАМАЗ выскочил, а потом темень наступила. И вот мы бежим куда-то.

– Не знаю, Серёга, мне сказали бежать, я бегу. Наверно, тренер сказал. Пацаны говорят, что он вперёд убежал, надо догонять.

Коля заметил, что мужичок в куртке из шелушащегося кожзама и засаленной кепке-аэродроме, шедший неспешно почти по кромке тротуара, граничащей с газоном жухлой травы, невольно втянул голову в плечи, оглянувшись на стайку хоккеистов.

В какой-то момент наш герой увидел, что асфальт тротуара превращается вдвигающуюся широкой рекой серую твердь. Скорость идущих, ковыляющих, катящихся на колясках инвалидов и младенчиков, солидно увеличивалась за счёт асфальтовой дорожки, действовавшей как траволатор.

Коле вдруг вспомнилась прекрасная дама, которую он перегнал, когда вливался в толпу, и он решил завести с ней знакомство, найдя прекрасный для этого повод. Немного замедлив шаг и пропуская страждущих, он различил знакомое красное пальто и, дождавшись приближения дамы, обратился к ней игриво:

– Мадам, куда мы спешим?

Женщина смерила Колю надменным взглядом и ответила:
– Молодой человек, мне известно не больше вашего.

Николай, озадачившись, спросил, скорее по инерции, нежели ожидая ответа:

– Как же так, ажиотаж без повода, получается?

Он махнул раздосадованно на даму в красном, пробормотав:

– Ай, да чего с этих баб взять!

Заметив очередного мальчика с клюшкой, наш герой схватил его за шиворот и с надеждой спросил:

– Эй, хоккеист, куда спешим?

– Дяденька, мне бежать надо, я от своих отстал.

– Так куда бежишь-то?

– Я за тренером бегу.

– Хорошо, – Коля начал раздражаться, – а тренер-то, тренер куда направляется?

– Не знаю, дяденька. Пустите! – Пропищал пацанёнок.

– Тьфу, ты, балбес!

Коля, отчаявшись получить вразумительный ответ, куда все спешат, развернулся и попытался идти навстречу людскому потоку, однако не тут-то было. Поток был чрезвычайно плотным и его просто затолкали плечами. Он упал и покатился вместе со всеми, но уже на спине.

Попытки выбраться с дорожки неизменно заканчивалась, к вящему удовольствию публики, падением и проездом на спине не одного десятка метров.

– Надо же было так напиться! – В сердцах подумал Николай. – И что за спотыкач привёз этот дядя Лёша?

Утомившись, в конце концов, бороться с натиском толпы, он стал продвигаться в направлении, куда направлялась толпа.

Грохот стройплощадки всё нарастал, становясь временами невыносимым. Неумолимо приближаясь, неразличимый поначалу, замаячил зев тоннеля. Вид его окончательно сбил Колю с толку.

– Вот ей же богу ни разу здесь не был! Что за район? Может, я до пригорода какого-то добрался?

Стали различимы какие-то звуки, от которых у него вздыбились волосы на затылке, а лоб покрылся холодным потом. Поначалу Николай счёл, что он случайно услышал звуки из окон роддома – ему слышались крики, душераздирающие вопли, которые издавали невидимые роженицы, взывая к своим матерям и богам, моля о помощи.

Не различив признаков роддома, он, насколько позволяли ему его опьянённые органы чувств, стал пытаться определить, откуда исходили эти пугающие инфернальные звуки.

Асфальтовый траволатор, меж тем, спешил, всё ускоряясь, навстречу тёмному, озаряемому рыжими всполохами, тоннелю.

Судя по скорости приближения, углубиться в жерло тоннеля Николай и его спутники должны были в течение ближайшей минуты.

Стала различима мечущаяся толпа – именно со стороны людского скопища, теснившегося возле входа в бетонную трубу, раздавались ужасающие вопли о помощи.

Прошло секунд тридцать и Коле стала ясна суть происходящего: всполохи огня видны были, когда от земли поднималась стена гигантского кубического поршня. Падение его сопровождалось тысячекратным воплем ужаса и непереносимым человеческому уху хрустом.

Упав на двигающуюся рывками стальную ленту конвейера, к которой подводи́ла асфальтовая дорожка, гигантский молот задерживал скопившуюся пред ним толпу.

Затем, поднимаясь неспешно, он запускал под свою сень очередную партию несчастных, обречённых на неминуемую и жуткую гибель.

Приближаясь к адскому прессу, наш герой уже мог различить, как задние ряды очередной партии, подлежащей превращению в сочащееся кровью месиво, лихорадочно пытаются избежать то, чего избежать невозможно. Как разворачиваются они с искажёнными от ужаса лицами и пытаются бежать против движения несущейся с бешеной скоростью асфальтовой ленты, и падают, головами ударяясь о тяжёлый асфальт и теряя сознание.

– Это всё ж облегчает им последний момент. – Успел подумать Коля чисто автоматически, когда он увидел гурьбу знакомых уже пацанят с клюшками, попытавшихся, видимо, из спортивного упорства, воспротивиться неминуемому, но

стройными рядами низвергшимися навзничь и откатившимися в провал, образовавшийся при поднятии молота.

Он заметил, как с нижней поверхности молота стекала ручьями кровавая жижа и отваливались прилипшие обломки костей с сочащимися красным бесформенными тряпками, ещё недавно бывшими одеждой.

Здесь, на последнем рубеже, встретилась ему и женщина в красном. Она, как и остальные, не хотела для себя такой жуткой участи. Резко развернувшись по направлению от адского провала, она попыталась рвануться навстречу напавшему людскому потоку, но была сметена с ног. Падая, она протянула с мольбой в глазах свою миниатюрную ладонь Коле.

Лицезрение ужаса, от одной мысли о котором обычный человек может сойти с ума, выбило в одно мгновение всю её недавнюю спесь.

Однако ж, наш герой не успел оценить изменение в характере прекрасной незнакомки, поскольку понял, что подходит и его очередь заехать в тоннель.

И тут до него дошла простая мысль. Всё встало на свои места.

Всё было предельно просто – настолько просто, что он, не сдержавшись, залился истерическим хохотом.

Он был уже мёртв – мёртв с того самого момента, как пьяная девица, выехав на тротуар, сшибла его на своём «Лексусе».

Он понял, что то, показавшееся ему лёгким прикоснове-

ние, было, на самом деле, смертельным ударом сзади, от которого он пролетел несколько десятков метров и грохнулся оземь. Именно безвозвратной и непоправимой мёртвостью его объяснялось то, что он не нашёл мобильник при себе – как мертвец может позвонить в мир живых?

Сразу нашлось объяснение странным диалогам юных спортсменов – скорее всего, они ехали на свои хоккейные соревнования на автобусе да так и приехали всей командой прямиком на тот свет, когда им навстречу выехал КАМАЗ, водитель которого – тот самый тип в засаленной кепке и дерматиновой куртке, втянувший голову в плечи при виде пацанов.

Женщина. Кто знает, от чего умерла женщина в красном? Но это вообще уже не имело значения. Ничего не имело никакого значения...

Так вот куда на самом деле отправляются души: не в рай, не в ад, а...

Шварк...

Бубен смертерождения (Рассказ в рассказе, сон во сне)

Don't ever get in black tombs of wombs

Не подлежащая переводу здесь

игра английских слов

Павел Васильевич любил заниматься детьми. Своих у него было двое: восьмилетняя Иришка и десятилетний Вадимка. Весёлые игры с ними чередовались у него с чтением детских книжек.

Копаясь на антресолях своей старой квартиры, Павел Васильевич ненароком наткнулся на пыльную подшивку «Пионера» за 70-е – детские его годы. Он несказанно был рад этому, решив посвятить своих мальцов в мир своего детства, причём не на словах, а с использованием, можно сказать, наглядной агитации.

Начались славные вечера посвящения детишек в мир пионерии. Конечно же, поколению смартфонов и 3D технологий приходилось объяснять как трёхлеткам, что такое горн, «Зарница», прощальный костёр и прочие детали пионерской жизни.

Иришка с Вадькой временами оживлялись, но всё же видно было, что им скучновато: не было в журнале той динамики, свойственной компьютерным играм, никто никого не

убивал, выпуская кишки одним ловким ударом меча, да и само оформление журнала, кажущееся наивным и нелепым в XXI веке, явно не вдохновляло отпрысков на погружение в давно истлевший мир чьих-то страстей и чаяний.

Неоднократно Павел Васильевич замечал, как Иришка начинала дремать и, смешно открывая рот, пускала струйку тягучей слюны себе на платье, а Вадим смотрел на незамысловатые фотографии и рисунки оловянным взглядом.

Уже отчаявшись заинтересовать мальцов нестрашными и нетаинственными приключениями пионеров-кладоискателей и юннатов, Павел Васильевич, выбирая в случайном порядке пожелтевшие от старости номера «Пионера», набрёл случайно на название рассказа, которое его заинтересовало.

Надо сказать, что ни название рассказа, ни имя автора ему абсолютно ничего не сказали: «Бубен (Мистика)» автора П.В. Ктулху-Оол.

Само по себе появление рассказа в мистическом, как то следовало из подзаголовка, жанре в журнале советской пионерии, вызывало некоторое недоумение у нашего героя. А уж вкупе с тем, что раньше он этого рассказа не видел, хотя прочитывал любимый журнал от корки до корки да не по разу, натолкнуло его на мысль, что он находится внутри некоего сюрреалистического сна.

Он ущипнул себя за левое запястье, посильнее оттянув кожу для усиления болевых ощущений, и убедился, что не спит, – хотя кто ему сказал, что люди, находящиеся в сюрре-

алистическом сне, не чувствуют боли?

Быстро пробежав глазами начало рассказа, который больше смахивал на детскую страшилку, некогда рассказывавшуюся, по обычаю, на ночь в детском саду или пионерлагере, Павел Васильевич решил, что сможет заинтересовать им свою малышню, и начал читать.

«Бубен

(Мистика)

П.В. Ктулху-Оол

Павка, Волька и Мишка были друзьями – не разлей вода. Первое знакомство их состоялось ещё в детском садике. Оказалось, что и живут-то они в соседних дворах. Их прекрасная дружба продолжилась в школе – по настоянию родителей директриса определила детей в один класс, чтобы друзья не расставались и на уроках.

Разумеется, в пионерлагеря на все три летних смены наши друзья отправлялись без каких-либо раздумий – бабушкам, безнадёжно ждавшим в деревнях, родители в очередной раз обещали, что уж на следующее лето Павка, Волька и Мишка обязательно их посетят.

Летние каникулы, разделявшие четвертый и пятый класс, наши неразлучные друзья провели в пионерлагере «Орлёнок». Естественно, они были в одном отряде.

Ближе к концу третьей смены, когда начинали уже опадать первые жёлтые листья с берёз, но солнце ещё палило

с небосвода, позволяя насладиться ребятне напоследок своим теплом, пионервожатый их отряда решил устроить прогулочную экскурсию в сосновый бор, что находился в километре от лагеря.

Устав от вечного нытья девчонок, которых заели комары, наша троица поотстала маленько от отряда, шедшего по покрытой мягким ковром жёлтых игл просеке, и углубилась в лесную чащу.

Убедившись, что находятся вне зоны видимости отряда, Павка, Волька и Мишка сразились на мечах – набранных тут же, под ногами, сухих прогнивших сосновых ветках. Было весело, когда при ударе ветки с хрустом ломались – наши герои представляли себе, что бьются на железных кованых мечах и сила их ударов такова, что кованые мечи разлетаются брызгами от соприкосновения друг с другом.

Наломав, таким образом, не один десяток мечей, они поняли, что отряд ушёл от них уже далече, поскольку, кроме их прерывистого дыхания, в лесу были слышны лишь шум ветра в кронах сосен да эхом раздававшийся пересвист мелких птиц.

Ребята стали пробираться потихоньку обратно на просеку, как вдруг заметили груды разлапистых сосновых веток, которая возвышалась, как они сразу же догадались, над неким тайником, скрывавшим от любопытных взоров нечто, чего чужакам видеть не полагалось.

Не думая ни секунды, мальчишки направились к той гру-

де, хотя путь к ней и уводил немного в сторону от просеки, по которой от них всё дальше и дальше углублялся в дебри мрачного леса их отряд.

Не обращая ни малейшего внимания на уколы жёстких пожелтевших сосновых игл, Павка, Волька и Мишка быстро раскидали крючковатые ветви, скрывавшие под своей сенью небольшое углубление, на дне которого лежал некий коричневой кожи свёрток, немедля извлеченный Павкой, как самым бесстрашным, со дна углубления.

– Ну что, пацаны, рискнём, раскроем? – Спросил он у друзей.

– Ты что, с ума сошёл? – С дрожью в голосе пробормотал Волька, как самый рассудительный. – А вдруг там фугас немецкий?

– Сам ты с ума сошёл, Волька! – Хохотнул Павка. – Пришли, такие, немцы, завернули фугас в кожу и ушли, да? Пусть, мол, фугас нас дожидается.

– Да, пожалуй, ты прав. – Согласился Волька.

– Давайте сделаем так. – Вступил в разговор Мишка. – Волька, давай сюда палку, мы свёрток палкой развернем – вдруг там змея или пауки здоровенные лохматые. Они выползать начнут, а мы уже далеко.

– Фу-у. Бе-е. – Почти одновременно сказали Павка и Волька. – Ну у тебя и фантазия – пауки, змеи. Чего они в свёртке забыли-то?

Однако же Мишке в логике трудно было отказать и ре-

бятя все вместе решили поступить, как им было предложено. Предварительно потыкав найденной поблизости самой-пресамой длинной корягой в таинственный свёрток, ребята несколько раз перевернули его так, чтобы кожа размоталась. К их удивлению в центре свёртка оказался ни больше, ни меньше – бубен светло-серой кожи с вечным его спутником – деревянной, похожей на ложку для обуви, колотушкой.

Павка прекрасно знал, что за предмет открылся перед ним, в силу того, что папка его – учёный этнограф, писал кандидатскую по традициям народов Сибири и Севера, включавшую отдельной главой шаманизм.

Его друзьям, по всей видимости, было невдомёк, что за инструмент находится перед ними, и, воскликнув: «О-о, барабан!», они бросились к бубну. Волька поднял двумя руками тарелку бубна и приготовился к тому, что Мишка, поднявший одновременно с ним колотушку с земли, шарахнет со всей дури по кожаной его поверхности. Да так, чтобы по всему лесу пошли оглушительные вибрации.

– Стойте, стойте! – Завопил Павка, выбивая колотушку из Мишкиных рук. – Не вздумайте. Вы что, олухи? Вы что, не знаете?

– Кто олухи? Чего мы не знаем? – Накинулись на него друзья.

Павка, в голове которого мгновенно созрел план обращения понравившегося ему инструмента в свою собственность, предоставлявшей ему возможность хвастануть перед

папкой, всеми родственниками и дворовыми друзьями ценной находкой, спросил у недоумевающих друзей:

– Вы что не знаете эту жуткую историю про шаманский бубен?

– Не-е... – Ошеломлённо переводя глаза с бубна на Павку, а потом друг на друга, сказали Волька и Мишка.

– Лопухи! Сейчас я вам расскажу. Слушайте...

Жила-была семья: папа, мама, сын и дочка. Однажды папа, вернувшись из командировки в Якутию, привёз домой бубен. Вот такой же почти. – Павка ткнул пальцем в сторону бубна, который Волька уже опустил вниз, держа его в правой руке за край.

Волька и Мишка посмотрели на бубен, словно для того, чтобы убедиться, такой ли бубен привез папа в семью после командировки в Якутию?

– Ага. И чего? – Спросил Мишка.

– А вот чего. – Продолжал самозабвенно заливать Павка. – Однажды, когда никого дома не было, самый маленький, то есть, сын, получается, достал этот бубен, который папа на стенку на самое видное место повесил. И встал он, это самое, посередине комнаты, вдарил в бубен и не стало его.

Родители с дочкой приходят, а нету сына-то. Только бубен в гостиной лежит по центру, а мальчика нет нигде. Везде его обыскались – как сквозь землю провалился. Из окон посмотрели – нигде ль не валяется сынок их? Нет, нигде нету. По шкафам и антресолям посмотрели – всё без толку.

Волька рефлекторно отбросил бубен подальше от себя, а Мишка то же самое сделал с колотушкой.

– Продолжай. – Нервно оглядываясь по сторонам, сказал Мишка.

– Ну и вот. Пошли они, конечно, в милицию заявление подавать. Так, мол, и так, пропал мальчик. Восемь лет, беленький такой, – Многозначительно смотря на светлые Мишкины вихры, развивал повествование Павел, – в школу ходит, то есть ходил, в первый класс.

Глаза голубые, уши оттопыренные. – Сейчас он уже смотрел на форму Волькиных ушей. Тот непроизвольно схватился за свои уши и прижал их к голове.

Павка медленно сходил за колотушкой и, подняв её с земли, засунул в карман своих шорт.

– Ну а дальше, а дальше-то что? – Волька настойчиво потребовал от своего друга продолжения рассказа.

– Ну а дальше? – Усмехнулся тот мрачно. – Дальше, как говорится «ищут пожарные, ищет милиция». В общем, не нашли его.

Потом дочка одна в квартире осталась – родители в кино, там, или в театр пошли. Смотрела она на этот бубен, смотрела, а потом, он, бубен этот, как будто притягивать её к себе начал. Она как будто под гипнозом была. Подошла к нему, сняла со стены, встала по центру гостиной и как даст колотушкой по бубну! И тоже её не стало. Испарилась. Фьить – и нету!

Мальчишек, слушавших эту жуткую историю, начало уже поколачивать. Лица их побелели, как простынки в начале смены в пионерском лагере, зубы начали отбивать мелкую дробь.

Павка всё так же неспешно сходил за бубном, поднял его, наклонившись, и взял в правую руку.

– Пришли родители из кино. – Он поглядел на небо, начинавшее заволакиваться свинцовыми тучами.

– Они ж, вроде, в театр ходили? – Усомнился Волька.

– Не важно. – Рассказчик перевел на него холодный насмешливый взгляд. – Пусть из театра вернулись. Результат один: нет их деточки, нет их кровинушки дома, пропала. Стали искать везде, мать от горя волосы на голове рвёт, навзрыд уже орёт – не уберегли, мол, нашу красавицу, единственную оставшуюся.

А как увидели бубен этот проклятый на полу в гостиной – странным им это показалось. А мать-то, не подумав, стукнула, легонечко так, в бубен колотушкой. И родители тоже исчезли. Опять упал бубен этот на пол, лежит да в ус себе не дует.

Мишка с Волькой судорожно схватились друг за друга и прижались, трясаясь всем телом то ли от холода, принесённого густой тяжёлой дождевой тучей, то ли от страха.

– М-может д-домой, то есть, в л-лагерь пойдём, ребят, а? – Предложил Миша.

– В лагерь? В лагерь – это можно! – Упиваясь впечатле-

нием, оказанным выдуманым им на ходу рассказом, согласился Павка. Затем, направив потихоньку свои стопы в сторону просеки, продолжил, неумолимо:

– Так вот. Звонят, такие, их родственники им по телефону, а там никто не отвечает. Неделью звонят, другую. Бабушки, дедушки за корвалол с валерьянкой, конечно, взялись.

Потом вспомнили, что у тётъ Нюры, ну, это сестра мамы пропавшей, ключи должны быть от квартиры. Позвонили Нюре этой, поехали с ней в квартиру. Открывают, а там бубен шаманский в гостиной на полу лежит.

Вызвали, понятно дело, милицию. Приезжает наряд с собакой. Там главный по наряду – лейтенант молодой, увидел бубен, поднял. «Ух ты, красивый какой!», говорит. И хрясь по бубну по этому колотушкой. И всё, никого не стало: ни бабушек с дедушкой, ни тётъ Нюры, ни милиционеров с собакой – никого. И лежит, такой...

– Слышь, ты того, кончай уже, а то реально страшно! – Взмолился, перебив рассказчика Волька.

Мишка согласно качал головой. – Хватит уже рассказывать. Нам уже не интересно.

– Ладно, трусы. – Сквозь зубы процедил Павка, стараясь не выдавать своё ликование. – Надо бубен моему папе отвезти, он специалист по бубнам – это я от него историю услышал про семью пропавшую. Он умеет с бубнами обращаться. Может, решит его уничтожить.

– А мы сами не можем его уничтожить, чтобы вреда от

него поменьше было? – Предложил Волька.

– Ты, Волька, совсем бестолочь, что ли? – Оглянулся Павка на ковыляющего позади друга. – Тебе, может, жить надоело? Ты же слышал, что с людьми происходит, когда они просто по нему стучают легонечко. А представь себе, что будет, если ты за него всерьёз возьмёшься?

Мне папка рассказывал, что бубен является пересечением большого числа энергетических линий, с которыми только шаман может управиться. Представляешь, что произойдёт, если мы эти линии решим разорвать?

– Э-э-э... Так, может, лучше его тут бросить? – Несмело начал Мишка.

– Ёлки-палки, лес густой! Ребята, вы чего? Этому миру вообще крупно повезло, что я, сын известного специалиста по шаманству, набрёл на этот бубен. То есть, сложно себе вообразить, что может произойти, если его найдёт кто-нибудь другой. – Павка решил в своём вранье уже не останавливаться на достигнутом. Масштабы вымысла расширялись до горизонтов видимой вселенной.

– А что, если мы его закопаем, да поглубже. – Не унимался Мишка.

Павел понял, что ссылки на неотвратимо приближающийся дождь будут несколько не убедительны в глазах мальчишек, стремящихся во что бы то не стало спасти мир от надвигающегося апокалипсиса, поэтому решил придумать более серьёзную отговорку для друзей.

– Ты знаешь, на какую глубину нужно закопать бубен, чтобы его никто и никогда не смог найти?

– Честно говоря, нет. – Проямлил подавленно Мишка. Он как-то не подумал, что при закапывании шаманских бубнов необходимо соблюдать некие стандарты.

– Не менее километра. – Не моргнув глазом, сказал Павка. – Если закопать бубен хотя бы на сантиметр выше этого уровня, злой шаман сможет без труда обнаружить его по пробивающимся через почву концам мощнейших энергетических линий.

– А-а. – Протянули хором Волька с Мишкой. – Что же делать?

– Ребята, я уже сказал, чего надо делать. – Я отвезу бубен в город, там покажу папе, а он уж решит, чего с ним делать.

– Ну да, ну да. – Сказал Волька. – Слушай, а эти линии энергетические не вредные, случаем?

– Да нет же. Всё в пределах нормы. Это для шаманов, которые их различают и могут их активизировать, линии эти имеют значение, а для простого человека они и не ощутимы даже.

Павка резко остановился, невзирая на то, что начинал накрапывать холодный августовский дождик.

– Ребята, я вас об одном попрошу только – никому, никогда и ничего о нашей находке не говорить. Сами понимаете, какая это опасная находка.

– Да, да, да. – Закивали согласно головами Волька и Миш-

ка. — То есть, конечно, никому и никогда.

— Клянётесь? — Подозрительно посмотрел на них Павел. — Здоровьем мамки клянётесь?

— Да, да, клянёмся, клянёмся. — Вновь закивали головами ребята.

Когда наши герои вернулись в свой корпус, где располагался их отряд, он был пуст. Пройдя мимо сонного дневального, они зашли в пустую спальную и расселись по койкам. Павка деловито собрал свои трофеи в обширный рюкзак, позаботившись, чтобы друзья увидели соблюдение им «техники безопасности» — колотушка была аккуратно завёрнута им в носки и запрятана во внешний карман, а тарелка бубна — помещена внутрь рюкзака и обложена свитерами и тёплыми брюками.

Через несколько дней планировалось отбытие из лагеря и Павка уже предвкушал своё триумфальное появление в семье с ценным грузом.

Прибыв в город он не стал дожидаться своих друзей — между ними в последние дни лагеря словно чёрная кошка пробежала, образовалась некоторая дистанция. Может, те просто подозревали, что он обвёл их вокруг пальца, а, может, побаивались, что страшный бубен всё-таки придёт в соприкосновение с колотушкой, невзирая на все меры предосторожности.

Семья была в сборе, ожидая его, как казалось, с нетерпением. Расцеловавшись с родителями и младшей сестрёнкой,

Павка с торжествующим видом отстегнул ремешок внешнего кармана рюкзака и достал завёрнутую в носки колотушку с наконечником в виде черепа. Затем он развязал шнур, затягивавший горловину рюкзака, и извлек оттуда, раскидывая по прихожей свои тёплые вещи, бубен.

– Ох ты! – Воскликнул папа, зачёсывая пятернёй свои вихрастые волосы назад и радостно блестя своими прямоугольными толстых линз очками. – Сын, ты где добыл такую прелесть?

– В лесу у пионерлагеря нашёл. – Попытавшись придать голосу как можно более обыденный тон, но, понимая, что ничего у него не получается, залившись радостным смехом, ответил Павка.

Мама с дочкой только удивлённо переводили глаза на говоривших – им, по чести говоря, была неведома причина бурной радости отца с сыном.

– Это ж потрясающая, совершенно невероятная находка, Пашка! – Воскликнул папа, аккуратно вынимая из рук сына трофеи. – Семья, все в гостиную! – Скомандовал он. – Сейчас я вам буду показывать камлание шамана.

Пашка с интересом, а мама и дочка, скорее, обреченно, последовали в гостиную – посмотреть, как же что-то там делает такой не известный им сорт людей как шаманы.

Папа встал в раскоряку посередине комнаты и, убедившись, что все наблюдают за ним с наивысшей степенью внимательности, взял, подражая шаманам, бубен с колотушкой

в руки и...

Продолжение следует».

А-а. Ну и что? – Спросил Вадим. Иришка уже давно прикорнула, лишённая радости общения со смартфоном.

Павел Васильевич озадаченно перелистнул страницу, ожидая, что продолжение ожидает его именно там.

– Так, какой это номер журнала? – Спросил он сам у себя. – Девятый. Значит, в десятом должно быть продолжение.

Поковырявшись в стопке пожелтевшей бумаги, он извлёк оттуда десятый номер, однако никакого продолжения там найдено не было, как не было его ни в одиннадцатом, ни в последующих номерах «Пионера».

– Странно. – Подумал Павел Васильевич. – Чрезвычайно странно – в девятом номере было недвусмысленно написано, что продолжение следует, значит, по логике вещей... Что по логике вещей? Вещи показывают, что никакого продолжения не следует, хотя такие шутки в таком серьёзном журнале, вроде как, маловероятны.

– Ага, пап, ну и чего дальше было? – Настаивал отпрыск.

– Не видишь, что ли, нет продолжения! – В раздражении на самого себя воскликнул Павел Васильевич. – Идите-ка вы лучше спать.

Захлопав глазами и не понимая причины странной реакции на простой, казалось бы, вопрос, Вадим слез со стула и неохотно пошёл в ванную мыться и чистить зубы.

Павел Васильевич аккуратно поднял Иру с кресла, в котором она заснула, и отнёс её в детскую, где положил на кровать.

Когда в доме всё утихло, наш герой, дочитав последние страницы сборника текстов «Палийского канона», закрыл книжку и выключил свет. После этого, он чмокнул в щёчку давно уже спавшую жену и, раздражённо хмыкнув в адрес одолевавших его мыслей, накрылся одеялом и повернулся по бессознательной привычке на правый бок. Однако, вопреки обычаю, он не заснул в течение ближайших пяти минут богатырским сном, а ворочался с боку на бок по меньшей мере час, а может, и все полтора.

– Нет, что за чёрт? – Думал он. – Вообще не характерный для пионерского издания рассказ. Какой-то Ктулху-Оол. Что за псевдоним идиотский?

Продолжение следует, но никакого продолжения нет. Это что значит? Автор намекает, что с этим Павлом случилось то же самое, о чём он рассказал своим друзьям? Но почему тогда продолжение следует?

Или автор и был Павлом и его записки были найдены кем-то в опустевшей квартире? Да нет, бред какой-то. Чертовщина, иначе и не назовёшь.

Ладно, утро вечера мудреней. Надо постараться заснуть. Один бубен, тьфу ты, баран. Два барана... три... пять...

Во сне многое видится. Многое, следуя своей логике,

несовместной с логикой человеческой, встаёт на свои места. Из памяти, своей ли, чужой, всплывают детали, неразличимые нашему мозгу, которые объясняют то, что произошло или произойдёт с нами, а может, и не с нами...

Скрытый за стеной бодрствующего сознания, ужас произошедшего с героем нашего повествования явился ему во всей шири.

Когда отец его, чрезмерно увлекавшийся явлением шаманизма, суть которого ему до конца открыта не была, звонко ударил в бубен, в физическом мире произошло мгновенное исчезновение человеческих сущностей, находившихся в тот миг в гостиной новой квартиры панельного дома на окраине гигантского города.

То, что вспомнилось Павлу Васильевичу в краткий миг, предшествовавший мгновенному прыжку в реальность из-за непереносимости лицезрения, напоминало мгновенный и, в то же время, казавшийся бесконечным, кружащий голову до тошноты полёт-падение над бескрайним морем зелени, покрытой белым, полёт-падение над безграничной и вечно безмолвной белизной, а потом – муки, сопровождаемые жутким душераздирающим криком на пределе человеческих возможностей.

Мучительное сознание того, что крик этот – от той боли, что причиняешь ты какому-то родному и бесконечно близкому существу, и удесятеряющееся страдание от того, что ты не хотел бы эту боль причинять, но бессилён изменить хоть

что-то.

Затем – вновь ослепляющий белый свет и холод, адский холод, в котором ты оказываешься нагой и ничем не защищённый, чтобы пройти сквозь череду ужасов и страданий, обусловленных самим фактом твоего существования.

Убийца Сталина

Наркому Внутренних Дел СССР

Генеральному комиссару

государственной безопасности

Ежову Н.И.

Чистосердечное признание

Я, Константинов Иван Александрович, будучи арестован и доставлен 18 июня 1938 г. в Народный комиссариат Внутренних Дел СССР, хочу добровольно сообщить о совершении мной в 22 часа 05 минут 17 июня 1938 г. убийства горячо любимого нашим советским народом товарища Сталина И.В. при обстоятельствах, которые я готов подробно и обстоятельно изложить в дальнейших показаниях. Также я намерен сообщить о моей подготовке к этому злодеянию против всего прогрессивно настроенного человечества.

Мной прочитано, с моих слов записано не вполне верно. Я не сообщал о «горячо любимом» и о «злодеянии против прогрессивно настроенного человечества». В остальном все верно.

18/VI/1938 г.

подпись

Заявление отобрал старший уполномоченный 2-го Управления НКВД лейтенант государственной безопасности Кузь-

мин Е.Б.

подпись

С.С.С.Р.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Управление № 2 НКВД С.С.С.Р.

Допрос начат 02 час 25 мин

Допрос окончен 05 час 50 мин

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

подозреваемого

к делу № 17236

1938 г. июня мес. 18 дня. Я, ст. уполномоченный 2-го
Управления НКВД С.С.С.Р. лейтенант государственной без-
опасности Кузьмин Е.Б., допросил в качестве подозреваемо-
го.

1. Фамилия: Константинов
2. Имя и отчество: Иван Александрович
3. Дата рождения: 27 марта 1895 г.
4. Место рождения: с. Крутоярово Самарской губернии
5. Местожительство: г. Москва, ул. Серафимовича, дом 2,
квартира 175
6. Нац. и граж. (подданство): русский, гражданин СССР

.....

На предложение старшего уполномоченного подозреваем-

мый Константинов И.А. изъявил желание изложить свои показания собственноручно.

Я, Константинов Иван Александрович, родился 27 марта 1895 г. в с. Крутоярово Самарской губернии в семье крестьян. Был четвертым из пятерых детей. Младший брат умер ещё во младенчестве от пневмонии. Родители мои, Александр Прохорович и Мария Лукинична, родились в один год – 1873 и умерли в один год – 1932.

С 1901 г. по 1905 г. обучался в церковно-приходской школе, затем дядя Николай, брат отца, отвёз меня в Петербург, где до 1914 г. я был сначала подмастерьем, а затем разнорабочим на литейно-механическом заводе акционерного общества Вестингауза.

С началом войны, в сентябре 1914 г. был призван на фронт, где служил в звании рядового до 1916 г. В июле 1916 г. получил осколочное ранение в шею, после чего до марта 1917 г. находился на излечении в госпиталях и комиссован по состоянию здоровья. По излечении от полученных ранений, направился в г. Петербург, где вступил в ряды РСДРП (б).

В дальнейшем принимал участие в подготовке, в том числе путем агитации в войсках, к вооруженному восстанию, имевшему свое завершение в октябре 1917 г.

Участвовал в Гражданской войне в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА). Направлялся партией на подавление белочешского мятежа на Урале в сентябре 1918

г. Впоследствии участвовал в боевых действиях в Донбассе и на Северном Кавказе, где происходили столкновения с армией генерала Деникина.

Неоднократно получал ранения на службе Отечеству, в том числе две тяжелых контузии, но всякий раз возвращался в действующую армию.

Окончил войну, руководя 63-м полком 12-й Стрелковой дивизии 14-й армии РККА. Как перспективного военачальника меня направили в 1923 г. в Военную академию РККА для прохождения обучения.

В 1935 г., во время нахождения моего на Дальнем Востоке, я руководил артиллерийским корпусом, мне было присвоено военное звание комкора. После этого, в мае 1936 г. был переведен по службе в Народный комиссариат обороны СССР в г. Москве.

Женат на Константиновой (в девичестве Задворской) Ирине Николаевне, 28 июля 1895 г. рождения, в настоящее время служащей Народного комиссариата просвещения РСФСР. Имею 2-х детей: Павла, 13 сентября 1918 г. рождения, и Марию, 25 декабря 1923 г. рождения.

Полагаю, что следствию все обстоятельства моей жизни и родственные связи известны, в связи с чем отражаю лишь существенные вехи моей биографии.

На вопрос должностного лица НКВД о том, где в настоящее время находятся мои родные, ничего не могу сообщить. Я отправил их заблаговременно из Москвы, поскольку мне

хорошо известно, каким образом поступают с семьями «врагов народа», «террористов» и тому подобных.

На повторный вопрос уполномоченного, сопровождаемого (вымарано), сообщаю, что даже если бы я и знал, где находится моя семья, я ничего не сообщил бы. Угрозы убийством и избиения ни к чему не приведут, поскольку свою дальнейшую судьбу я знаю, смерть и пытки мне не страшны.

Я – человек с мертвой душой. Моя душа мертва еще с осени 1932 г. – со дня, когда умерли мои родители. Отца и мать, когда они попытались воспрепятствовать хлебозаготовкам отвели за ближайший сарай и, поставив к стенке, расстреляли сотрудники ОГПУ, направленные в с. Крутоярово, где проживали родители, для принудительного изъятия у крестьян остатков зерна по схронам.

Я корю себя до сих пор, что не спас их, не настоял еще в 1931 г., когда гостил в отпуске у них, на их скорейшем переезде из села, где они прожили всю свою жизнь, в город. В любой город, не имело значения, главное – подальше от села.

С того самого времени, с осени 32 года, моя уверенность в том, что Советское государство движается в правильном направлении под руководством «Великого кормчего», значительно пошатнулась. Я все время спрашивал, за что я – лично я боролся? – За то, чтобы молокосос-ОГПУшник, отбিরая последнее, пристрелил, как бешенных собак, людей, давших мне жизнь?

Мне было не понаслышке известно, что творится в дерев-

не: коллективизация, раскулачивание – ликвидация кулачества как класса, одним из результатов чего были гигантские потери урожая в 1931-32 гг., что и привело впоследствии к голоду. Но теперь я на своей шкуре почувствовал, что творит власть. Власть, по сути своей являющаяся вредительской, сконцентрировалась в руках одного человека, который не желает признавать своих ошибок, мстителен, фактически дорвался до власти, не имея к ней ни малейшей способности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.